

Великие Полководцы России

ПОЛКОВОДЦЫ ПЕТРА I

ШЕРЕМЕТЕВ

АПРАКСИН

ГОЛИЦЫН

БОУР

РЕПНИН

БРИУС

МЕНШИКОВ

Великие полководцы России

**Полководцы Петра I. Борис
Шереметев, Федор Апраксин,
Родион Боур, Никита Репнин,
Яков Брюс, Александр
Меншиков, Михаил Голицын**

«ИД Комсомольская правда»

2014

ББК 63-8

Полководцы Петра I. Борис Шереметев, Федор Апраксин, Родион Боур, Никита Репнин, Яков Брюс, Александр Меншиков, Михаил Голицын / «ИД Комсомольская правда», 2014 — (Великие полководцы России)

ISBN 978-5-87107-871-6

Начало XVIII в. на северо-западе Европы ознаменовалось противостоянием России и Швеции. Северная война 1700-1721 гг. стала временем роста русских вооруженных сил, созданных в ходе реформ Петра I. У Российской империи появились регулярные армия и флот, одержаны решительные победы над самой лучшей европейской армией того времени - шведской. Основные победы Северной войны связаны в сознании современника с именем Петра Великого. Но были и другие славные страницы русской воинской славы, превратившие неизвестную Московию в империю. Они были одержаны «птенцами гнезда Петрова» - полководцами, во многом оставшимися в тени великого правителя. Кем были Шереметев, Апраксин, Боур, Репнин, Брюс, Меншиков, Голицын; какие победы, принесшие славу Отечеству, одержали они; чем еще знамениты эти люди? Все это вы сможете узнать, раскрыв книгу «Полководцы Петра I».

ББК 63-8

ISBN 978-5-87107-871-6

, 2014

© ИД Комсомольская правда, 2014

Содержание

Шереметев Борис Петрович	6
Апраксин Федор Матвеевич	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Полководцы Петра I. Борис Шереметев, Федор Апраксин, Родион Боур, Никита Репнин, Яков Брюс, Александр Меншиков, Михаил Голицын

Редактор *кандидат исторических наук Н. А. Копылов*

Редактор-составитель *доктор исторических наук М. Ю. Мягков*

**КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА**

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

© ИД «Российское военно-историческое общество», 2014 год.

Шереметев Борис Петрович

25 апреля 1652 – 17 февраля 1719

С именем Шереметева связано много славных страниц времен царствования императора Петра Великого (1682–1725). Первый в истории России генерал-фельдмаршал (1701), граф (1706), кавалер ордена Святого Иоанна Иерусалимского, один из богатейших помещиков, он всегда в силу своего характера оставался на особом положении у царя и его окружения. Его взгляды на происходящее часто не совпадали с позицией царя и его молодых соратников. Он казался им человеком из далекого прошлого, с которым так яростно боролись сторонники модернизации России по западному образцу. Им, «худородным», была непо-

нятна мотивация этого голубоглазого, грузного и неторопливого человека. Однако именно он был нужен царю в самые тяжелые годы Великой Северной войны.

Сражения и победы

Выдающийся русский полководец времени Северной войны, дипломат, первый русский генерал-фельдмаршал (1701). В 1706 г. также первым возведен в графское Российской империи достоинство.

В народной памяти Шереметев остался одним из основных героев той эпохи. Свидетельством могут служить солдатские песни, где он фигурирует исключительно как положительный персонаж.

Род Шереметевых был связан с царствующей династией кровными узами. Семья Бориса Петровича относилась к числу влиятельных боярских родов и даже имела общих предков с царствующей династией Романовых.

По меркам середины XVII века его ближайшие родственники были людьми весьма образованными и не чурались, общаясь с иностранцами, брать от них все положительное. Отец Бориса Петровича – Петр Васильевич Большой в 1666–1668 гг., будучи киевским воеводой, отстаивал право на существование Киево-Могилянской академии. В отличие от современников воевода брил бороду, что было страшным нонсенсом, и носил польское платье. Однако его не трогали по причине его полководческих и административных дарований.

Родившегося 25 апреля 1652 г. сына Петр Васильевич определил на учебу в Киево-Могилянскую академию. Там Борис научился говорить по-польски, по-латыни, получил представление о греческом языке и узнал много того, что было неведомо подавляющему большинству его соотечественников. Уже в ранней молодости Борис Петрович пристрастился к чтению книг и к концу жизни собрал большую и хорошо систематизированную библиотеку. Боярин прекрасно понимал, что России нужны поступательные реформы, и поддерживал молодого царя Петра.

Однако свою «государеву службу» он начал в традиционном московском стиле, будучи в 13-летнем возрасте пожалованным в комнатные стольники.

Военная карьера молодого дворянина началась только в царствование Федора Алексеевича (1676–1682). Царь определил его в помощники отца, командовавшего одним из «полков» в русско-турецкой войне (1676–1681). В 1679 году он уже исполнял обязанности «товарища» (заместителя) воеводы в «большом полку» князя Черкасского. А спустя всего два года возглавил только что образованный Тамбовский городской разряд, что в сравнении с современной структурой вооруженных сил можно приравнять к командованию военным округом.

В 1682 г. в связи с восшествием на престол новых царей Петра и Ивана ему был пожалован титул боярина. Правительница царевна Софья Алексеевна и ее фаворит князь Василий Васильевич Голицын вспомнили о Борисе Петровиче в 1685 г. Правительство России вело тяжелые переговоры с Речью Посполитой о заключении «Вечного мира». Вот тут и потребовался знавший европейский этикет и иностранные языки боярин. Его дипломатическая миссия оказалась чрезвычайно успешной. После долгих переговоров удалось-таки заключить с Польшей «Вечный мир» и добиться юридического признания факта завоевания Москвой Киева 20-летней давности. Затем, по прошествии всего нескольких месяцев, Шереметев уже единовластно возглавил посольство, направленное в Варшаву для ратификации договора и уточнения деталей создаваемого антиосманского альянса. Оттуда потом пришлось заехать и в Вену, также готовившуюся продолжить борьбу против турок.

В инфантерии первым из русских по праву может быть назван фельдмаршал Шереметев, из древнего дворянского рода, высокий ростом,

с мягкими чертами лица и во всех отношениях похожий на большого генерала.

Швед Эренмальм, противник Шереметева.

Б. П. Шереметев.

Дипломатическая стезя лучше военной соответствовала наклонностям и дарованиям умного, но осторожного Бориса Петровича. Однако своевольная Судьба решила иначе и повела его по жизни далеко не самой удобной дорогой. По возвращении из Европы в Москву боярину вновь пришлось надеть военный мундир, который он уже не снимал до самой смерти.

Борис Петрович командовал полками своего Белгородского разряда во время неудачного второго крымского похода (1689). Его отстраненная позиция по отношению к событиям в Москве летом 1689 г., когда к власти пришел Петр I, сыграла с ним плохую шутку. Боярин был взят под «подозрение». Опалы не последовало, но вплоть до 1696 г. Борис Петрович будет оставаться на границе с Крымским ханством, командуя своим «разрядом».

Во время первого Азовского похода 1695 г. Шереметев возглавил армию, действовавшую против турецких крепостей на Днепре. Борис Петрович оказался удачливее царя и его сподвижников. В кампании 1695 г. русско-украинское войско взяло у турок три крепости (30 июля – Кызы-Кермень, 1 августа – Эски-Таван, 3 августа – Аслан-Кермен). Имя Шереметева стало известно всей Европе. При этом Азов так и не взяли. Нужна была помощь союзников.

Летом 1696 г. Азов пал, но этот успех показал, что дальнейшая война с Османской империей возможна только при объединении усилий всех стран – участниц «священной лиги».

Пытаясь угодить царю, Борис Петрович по собственной воле и за свой счет отправился в путешествие по Европе. Боярин покинул Москву через три месяца после отъезда на Запад самого Петра и путешествовал более полутора лет, с июля 1697-го по февраль 1699-го, истратив на это 20 500 рублей – огромную сумму по тем временам. Истинная, так сказать, человеческая цена подобной жертвы становится понятной из характеристики, данной Шереметеву известным советским исследователем эпохи XVIII века Николаем Павленко: «...Борис Петрович бескорыстием не отличался, но не отваживался красть в масштабах, дозволяемых себе Меншиковым. Представитель древнейшего аристократического рода если и воровал, то настолько умеренно, что размеры украденного не вызывали зависти у окружающих. Но Шереметев умел попрошайничать. Он не упускал случая напомнить царю о своей «нищете», и его стяжания являлись плодом царских пожалований: вотчин он, кажется, не покупал...»

Проехав через Польшу, Шереметев вновь побывал в Вене. Затем направился в Италию, осмотрел Рим, Венецию, Сицилию, и, наконец, добрался до Мальты (получив аудиенции за время поездки у польского короля и саксонского курфюрста Августа, императора Священной Римской империи Леопольда, папы римского Иннокентия XII, великого герцога тосканского Козимо III). В Ла-Валетте его даже посвятили в рыцари Мальтийского ордена.

Таким европейским «шлейфом» не мог похвастаться еще ни один россиянин. На следующий же день после возвращения, на пиру у Лефорта, одетый в немецкое платье с мальтийским крестом на груди Шереметев смело представился царю и был им с восторгом обласкан.

Однако милость оказалась недолгой. Подозрительный «герр Питер», согласно вскоре изданному «боярскому списку», опять повелел Борису Петровичу отправляться подальше от Москвы и быть «у города Архангельского». Вновь вспомнили о нем лишь через год, с началом Северной войны (1700–1721 гг.). Война началась в августе походом главных сил русской армии к Нарве. Боярин Шереметев был назначен командующим «поместной конницы» (конного дворянского ополчения). В нарвском походе 1700 г. отряд Шереметева действовал крайне неудачно.

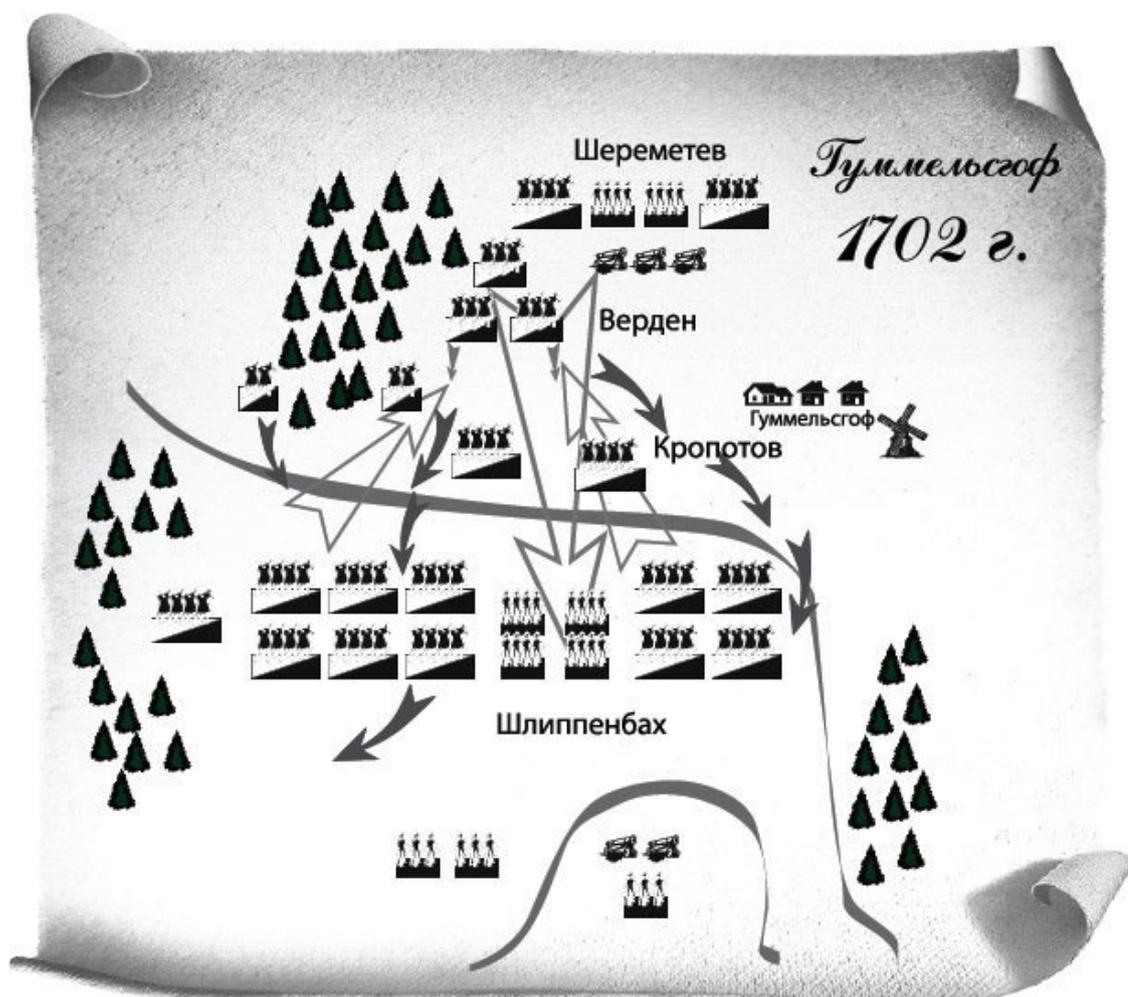
Во время осады проводивший рекогносцировку Шереметев доложил о приближении большого шведского войска к Нарве. Русских военачальников, как сообщают шведские историки, охватила паника. Пленный майор шведской армии, лифляндец Паткуль, якобы рассказал им, что с Карлом XII подошла армия численностью от 30 до 32 тысяч человек. Цифра показалась вполне достоверной, и ей поверили. Поверил и царь – и впал в отчаяние. В ходе сражения под Нарвой 19 (30) ноября 1700 г. доблестная «поместная конница», не вступая в бой, позорно бежала, снеся в воду Бориса Петровича, который отчаянно пытался ее остановить. Более тысячи человек утонуло в реке. Шереметева спас конь, а царскую опалу отвратила печальная судьба всех остальных генералов, в полном составе оказавшихся в плену у торжествующего противника. К тому же после катастрофической неудачи царь пошел на временный компромисс с настроениями своей аристократии и выбрал нового командующего в среде наиболее родовитой национальной верхушки, где Шереметев на тот момент являлся единственным сколько-нибудь знающим военное дело человеком. Таким образом, можно сказать, что, по сути, сама война в конце 1700 г. поставила его во главе основных сил русской армии.

С наступлением второго военного лета Борис Петрович в адресованных к нему царских письмах стал именоваться генерал-фельдмаршалом. Это событие закрыло затянувшуюся грустную главу в жизни Шереметева и открыло новую, ставшую, как потом выяснилось, его «лебединой песней». Последние неудачи пришлись на зиму 1700–1701 гг. Побуждаемый нетерпеливыми царскими окриками, Борис Петрович попробовал осторожно «пощупать саблей» Эстляндию (первый указ с требованием активности Петр отправил спустя всего

16 дней после катастрофы у Нарвы), в частности, захватить небольшую крепость Мариенбург, стоящую посреди скованного льдом озера. Но везде получил отпор и, отойдя к Пскову, занялся приведением в порядок имевшихся у него войск.

Боеспособность русских была еще крайне невелика, особенно в сравнении с пусть и немногочисленным, но европейским противником. Силу шведов Шереметев хорошо представлял, поскольку познакомился с постановкой военного дела на Западе во время недавнего путешествия. И подготовку он вел в соответствии со своим основательным и неторопливым характером. Существенно ускорить события не смогли даже визиты самого царя (в августе и октябре), рвавшего возобновить боевые действия как можно скорее. Шереметев, постоянно подталкиваемый Петром, начал совершать свои опустошительные походы в Лифляндию и Эстонию из Пскова. В этих боях русская армия закалялась и накапливала бесценный воинский опыт.

Появление в Эстляндии и Лифляндии осенью 1701 г., спустя 9 месяцев после Нарвы, достаточно крупных русских воинских соединений высшим шведским военным командованием было воспринято с некоторым скепсисом – во всяком случае, такая реакция была отмечена у верховного главнокомандующего королем Карлом XII. Местные лифляндские военачальники сразу забили тревогу и попытались донести ее до короля, но успеха в этом не имели. Король дал понять, что Лифляндия должна была обходиться теми силами, которые он им оставил. Рейды русских отрядов Шереметева в сентябре 1701 г. носили пока вроде бы эпизодичный характер и, на первый взгляд, большой угрозы для целостности королевства не несли.

Карта-схема сражения у Гуммельсгофа.

Бои под Ряпиной мызой и Рыуге были для русских лишь пробой сил, серьезная угроза для шведов в этом регионе таилась в будущем. Русские убедились, что «не так страшен швед, как его малюют», и что при определенных условиях над ним можно будет одерживать победы. Кажется, в штабе Петра осознали, что Карл махнул рукой на Лифляндию и Ингерманландию и предоставил их собственной судьбе. Было решено использовать эти провинции и как своеобразный полигон для приобретения боевого опыта, и как объект для достижения главной стратегической цели – выхода к балтийскому побережью. Если эта стратегическая цель и была шведами разгадана, то адекватных мер по противодействию ими принято не было.

Петр, довольный действиями фельдмаршала в Прибалтике, писал Апраксину:

Борис Петрович в Лифляндии гостил изрядно довольно.

Эта пассивность развязала русской армии руки и дала возможность открыть новые, неудобные для неприятеля театры военных действий, а также перехватить стратегическую инициативу в войне. Боевые действия русских со шведами до 1707 года носили странный характер: противники как бы наступали друг другу на хвост, но в решающее сражение между собой не вступали. Карл XII с главными силами гонялся в это время по всей Польше за Августом II, а окрепшая и ставшая на ноги русская армия от опустошения балтийских провинций перешла к их завоеванию, отвоевывая один за другим города и шаг за шагом незаметно приближаясь к достижению своей главной цели – выходу к Финскому заливу.

Именно в этом ключе и следует рассматривать все последующие бои в этом районе, в том числе и сражение при Эрастфере.

В декабре 1701 г. генерал от кавалерии Б. Шереметев, дождавшись подхода подкреплений и сосредоточения всех войск в один кулак, принял решение нанести новый внезапный удар по Лифляндской полевой армии генерал-майора В. А. фон Шлиппенбаха, расположившейся на зимних квартирах. Расчет строился на том, что шведы будут заняты празднованием Рождества. В конце декабря внушительный корпус Шереметева численностью 18 838 человек при 20 пушках (1 мортира, 3 гаубицы, 16 пушек) выступил из Пскова в поход. Для переброски войска через озеро Пейпус Шереметев использовал около 2000 саней. Шереметев действовал на сей раз не вслепую, а располагал разведанными о силах и дислокации частей Шлиппенбаха: об этом ему в Псков сообщили шпионы из Дерпта. Согласно полученным сведениям, основные силы шведов были дислоцированы в этом городе и в его окрестностях.

Командующий Лифляндским полевым корпусом генерал-майор Шлиппенбах, против которого были направлены действия русских, располагал примерно 5000 регулярных и 3000 нерегулярных войск, разбросанных по постам и гарнизонам от Нарвы до озера Лубана. Из-за необъяснимой то ли беспечности, то ли нераспорядительности Шлиппенбаха шведы слишком поздно узнали о движении крупных сил неприятеля. Лишь 28/29 декабря движение русских войск у мызы Ларф было замечено разъездами батальона ландмилиции. Как и в предыдущих операциях, элемент тактической внезапности для корпуса Шереметева был утерян, но в целом его стратегический замысел удался.

Шлиппенбах, получив наконец достоверные известия о движении русских, был вынужден дать им решительное сражение. Взяв с собой 4 пехотных батальона, 3 полка кавалерии, 2 драгунских полка и 6 3-фунтовых орудий, он двинулся навстречу Шереметеву. Так 1 января 1702 г. началось встречное сражение у Эрастфера, первые часы которого для войска Шереметева сложились неудачно. Встречный бой – вообще материя сложная, а для не вполне

обученного русского солдатского и офицерского состава он оказался сложным вдвойне. В ходе боя возникли замешательство и неуверенность, и русской колонне пришлось отступить.

Трудно сказать, как вообще закончилась бы эта операция Шереметева, если бы вовремя не подоспела артиллерия. Под прикрытием артиллерийского огня русские оправились, снова выстроились в боевой порядок и решительно атаковали шведов. Завязался упорный четырехчасовой бой. Шведский командующий собирался отступить за укрепленные палисадом позиции у мызы Эрастфер, но Шереметев разгадал план противника и приказал атаковать шведов во фланг. Русская артиллерия, установленная на саях, стала обстреливать шведов картечью. Как только шведская пехота стала отходить, русские стремительной атакой опрокинули эскадроны противника. Шведская кавалерия, несмотря на попытки некоторых офицеров поставить ее в боевой строй, в панике бежала с поля боя, опрокинув собственную пехоту. Наступившая темнота и усталость войск заставили русское командование прекратить преследование; только отряд казаков продолжал гнаться за отступающими шведскими войсками.

Преследовать отступившего противника Шереметев не рискнул и вернулся назад в Псков, оправдавшись перед царем усталостью лошадей и глубоким снегом. Так русские войска одержали свою первую крупную победу в Северной войне. Из 3000–3800 шведов, участвовавших в сражении, было убито 1000–1400 чел., 700–900 чел. разбежалось и дезертировали и 134 чел. попали в плен. Русские, кроме того, захватили 6 пушек. Потери войск Шереметева, по мнению ряда историков, составляют, от 400 до 1000 чел. Е. Тарле приводит цифру 1000.

Эта победа принесла Шереметеву звание генерал-фельдмаршала и орден Святого Андрея Первозванного. Солдаты его корпуса получили по серебряному рублю. Значение Эрастферской победы было трудно переоценить. Русская армия продемонстрировала свою способность громить грозного противника в поле, пусть и превосходящими силами.

К решительным действиям в новой кампании на территории Эстляндии и Лифляндии русская армия была готова перейти лишь к началу июля 1702 г. Располагая примерно 24 000 драгун и солдат, Шереметев 13 июля перешел, наконец, русско-шведскую границу.

18/19 июля корпус Шереметева сошелся со шведами в сражении у Гуммельсгофа. Первыми бой начали шведы. Шведская кавалерия обрушила удар на 3 полка русских драгун. Действенную помощь кавалерии оказывала шведская артиллерия. Русские части стали отступать. В это время высланные для ликвидации предполагаемого флангового охвата шведские кавалеристы сами зашли в тыл и во фланги русской конницы и атаковали ее. Положение для русских создалось критическое, шведская кавалерия захватила у нас 6 пушек и почти весь обоз. Положение спасли драгуны. Они задержали натиск противника и отчаянно дрались у моста через реку. В самый критический момент к ним на помощь подошли еще 2 драгунских полка (около 1300 чел.) из состава основных сил Шереметева, и это решило исход боя. Шлиппенбах мог разбить неприятеля по частям, но упустил возможность двинуть на помощь своей кавалерии пехоту и пушки.

Орден Святого Андрея Первозванного.

Вскоре военное счастье, как показалось, опять стало склоняться в пользу шведов. К ним тоже подошли два батальона, которые прямо с марша вступили в бой. Но переломить ход сражения в свою пользу им так и не удалось. Исход его был решен с подходом к полю боя главных сил русского корпуса.

После эффективной артподготовки, расстроившей ряды шведской кавалерии, русские войска перешли в общее наступление. Фронт шведской кавалерии рухнул. Ее передовые части обратились в паническое бегство, смяли свою пехоту и бросились бежать по дороге в Пернау. Попытки отдельных небольших отрядов пехоты и кавалерии сдержать натиск русских войск были сломлены. Большинство пехотинцев тоже бежало с поля боя и укрылось в окрестных лесах и болотах.

В результате шведы потерпели тяжелое поражение. Соотношение сил в сражении было 3,6: 1 в пользу русских. В бою с нашей стороны приняли участие около 18, а со стороны шведов – около 5 тысяч человек.

О. Шегрен считает, что на поле боя пало до 2 тыс. шведских воинов, но эта цифра кажется заниженной. Русские современные источники оценивают потери противника в 2400 убитых, 1200 дезертиров, 315 пленных, 16 пушек и 16 знамен. Потери русских войск оцениваются в 1000–1500 человек убитыми и ранеными.

После Гуммельсгофа Шереметев стал практическим хозяином всей южной Лифляндии, но Петр I считал закрепление за собой этих земель преждевременным – он еще не хотел

ссориться с Августом II. Согласно договоренности с ним, Лифляндия после отвоевания ее у шведов должна была отойти к Польше.

Полтавская битва. Дени Мартен Младший.

После Гуммельсгофа корпус Шереметева совершил ряд опустошительных рейдов по прибалтийским городам. Были разорены Каркус, Гельметь, Смильтен, Вольмар, Везенберг. Зашли также в г. Мариенбург, где комендант Тилло фон Тиллау сдал город на милость Шереметеву. Но не все шведы одобрили эту идею: при входе русских в город капитан артиллерии Вульф со своими товарищами взорвал пороховой склад, и под обломками зданий вместе с ними погибло много русских. Обозленный за это Шереметев не выпустил никого из оставшихся в живых шведов, а всех жителей приказал взять в плен.

Русская армия и Россия в целом при походе в Мариенбург обогатилась еще одним необычным приобретением. Полковник Р. Х. Бауэр (Боур) (по сведениям Костомарова, полковник Бальк) присмотрел там для себя смазливую наложницу – 16-летнюю латышку, служанку пастора Глюка, и увез ее с собой в Псков. В Пскове на Марту Скавронскую положил глаз сам фельдмаршал Шереметев, и Марта послушно служила ему. Потом ее увидел Меншиков, а после него – уже сам царь Петр. Дело кончилось, как известно, тем, что Марта Скавронская стала женой царя и императрицей России Екатериной I.

После Гуммельсгофа Борис Петрович командовал войсками при взятии Нотебурга (1702) и Ниеншантца (1703), а летом 1704 г. неудачно осаждал Дерпт, за что опять попал в опалу.

В июне 1705 г. Петр прибыл в Полоцк и на военном совете 15-го числа поручил Шереметеву возглавить еще один поход в Курляндию против Левенгаупта. Последний сидел большой занозой в глазах русских и постоянно привлекал их внимание. В инструкции Петра фельдмаршалу Шереметеву говорилось: «Идти в сей легкой поход (так, чтоб ни единого пешего не было) и искать с помощью Божиею над неприятелем поиск, а именно над генералом Левенхауптом. Вся же сила сего походу состоит в том, чтоб его отрезать от Риги».

В начале июля 1705 г. русский корпус (3 пехотных, 9 драгунских полков, отдельный драгунский эскадрон, 2500 казаков и 16 орудий) двинулся в поход из Друи. Неприятельская разведка работала настолько плохо, что графу Левенгаупту пришлось довольствоваться многочисленными слухами, а не реальными данными. Первоначально шведский военачальник

оценил силы противника в 30 тысяч человек (Adam Ludwig Lewenhaupt berättelse. Karolinska krigare berättar. Stockholm. 1987).

Курляндский корпус каролинов, стоявший у Риги, насчитывал около 7 тыс. пехоты и кавалерии при 17 орудиях. В подобных условиях графу было очень сложно действовать. Однако русские не оставили ему выбора. Инструкции царя были недвусмысленными. Шереметев должен был запереть корпус Левенгаупта в Курляндии. Задача более чем серьезная.

В ожидании противника граф отступил к Гемауэртгофу, где и занял выгодные позиции. Фронт шведской позиции прикрывал глубокий ручей, правый фланг упирался в болото, а левый – в густой лес. Корпус Левенгаупта по своим качествам значительно превосходил Лифляндскую полевую армию Шлиппенбаха.

Екатерина I.

Созванный 15 июля 1705 г. Шереметевым военный совет решил атаковать неприятеля, но не в лоб, а с применением военной хитрости, имитируя отступление во время атаки, чтобы выманить противника из лагеря и ударить по нему с фланга спрятанной в лесу кавалерией. Из-за нескоординированных и спонтанных действий русских военачальников первая стадия сражения была проиграна, и русская кавалерия в беспорядке стала отступать. Шведы энергично ее преследовали. Однако их прикрытые ранее фланги обнажились. На этой стадии сражения русские проявили стойкость и смелый маневр. С наступлением темноты бой прекратился, и Шереметев отступил.

Карл XII был чрезвычайно доволен победой своих войск. 10 августа 1705 г. граф Адам Людвиг Левенгаупт был произведен в чин генерал-лейтенанта. В то же время Шереметев остро переживал неудачу. Потребовалось утешение самого царя Петра, отметившего, что воинское счастье бывает переменчиво. Однако этот шведский успех мало что менял в рас-

становке сил в Прибалтике. Вскоре русские войска взяли две сильные курляндские крепости Митава и Бауск. Ослабленный корпус Левенгаупта в это время отсиживался за стенами Риги, не смея выйти в поле. Таким образом, даже поражение принесло огромную пользу русскому оружию. Вместе с тем Гемауэртгоф показал, что русским военачальникам предстояло еще много работы – прежде всего по подготовке кавалерии и отработке слаженности между родами войск.

С этого времени начнется закат карьеры Шереметева. В 1708 г. он будет объявлен одним из виновников поражения русской армии в сражении при Головчино. В победной Полтавской баталии (1709) Борис Петрович будет номинальным главнокомандующим. Даже после полтавского триумфа, когда награды хлынули щедрым потоком на большинство генералов, ему пришлось довольствоваться очень скромным пожалованьем, более похожим на формальную отмашку, – захудалой деревенькой с прямо-таки символическим названием Черная Грязь.

В то же время нельзя сказать, что Петр уж совсем плохо стал относиться к фельдмаршалу. Достаточно вспомнить один пример. В 1712 г. по достижении 60-летия Борис Петрович впал в очередную депрессию, потерял вкус к жизни и решил удалиться от мирской суеты в монастырь, чтобы там в полном покое провести остаток своих дней. Даже обитель выбрал – Киево-Печерскую лавру. Петр, узнав про мечту, рассердился, посоветовав соратнику «выкинуть дурь из головы». А чтобы ему легче было это сделать, приказал немедленно жениться. И не откладывая дело в долгий ящик, тут же лично подыскал невесту – 26-летнюю вдову собственного родного дяди Льва Кирилловича Нарышкина.

Б. П. Шереметев на памятнике «Тысячелетие России».

Некоторые современные исследователи, оценивая реальные достижения Шереметева с точки зрения европейского военного искусства, соглашались с царем, ставя фельдмаршалу не слишком лестную отметку. Например, Александр Заозерский – автор самой подробной монографии о жизни и деятельности Бориса Петровича – высказал следующее мнение: «... Был ли он, однако, блестящим полководцем? Его успехи на полях сражений едва ли позволяют отвечать на этот вопрос положительно. Конечно, под его предводительством русские войска не раз одерживали победы над татарами и над шведами. Но можно назвать не один случай, когда фельдмаршал терпел поражения. К тому же удачные сражения происходили

при перевесе его сил над неприятельскими; следовательно, они не могут быть надежным показателем степени его искусства или таланта...»

Но в народной памяти Шереметев навсегда остался одним из основных героев той эпохи. Свидетельством могут служить солдатские песни, где он фигурирует только как положительный персонаж. На этот факт, наверное, повлияло и то, что полководец всегда заботился о нуждах рядовых подчиненных, выгодно отличаясь тем самым от большинства других генералов.

*Из завещания Шереметева:
тело мое грешное отвезти и погребсть в Киево-Печерском
монастыре или где воля его величества соостоится.*

В то же время Борис Петрович прекрасно ладил с иностранцами. Достаточно вспомнить, что одним из лучших его приятелей являлся шотландец Яков Брюс. Поэтому европейцы, оставившие письменные свидетельства о России петровского времени, как правило, хорошо отзываются о боярине и относят его к числу наиболее выдающихся царских вельмож. Например, англичанин Уитворт считал, что «Шереметев самый вежливый человек в стране и наиболее культурный» (хотя тот же Уитворт не слишком высоко оценивал полководческие способности боярина: «...Величайшее горе царя – недостаток в хороших генералах. Фельдмаршал Шереметев – человек, несомненно обладающий личной храбростью, счастливо окончивший порученную ему экспедицию против татар, чрезвычайно любимый в своих поместьях и простыми солдатами, но до сих пор не имевший дела с регулярной неприятельской армией...»). Австриец Корб отмечал: «Он много путешествовал, был поэтому образованнее других, одевался по-немецки и носил на груди мальтийский крест». С большой симпатией отзывался о Борисе Петровиче даже противник – швед Эренмальм: «В инфантерии первым из русских по праву может быть назван фельдмаршал Шереметев, из древнего дворянского рода, высокий ростом, с мягкими чертами лица и во всех отношениях похожий на большого генерала. Он несколько толст, с бледным лицом и голубыми глазами, носит белокурые парики и как в одежде, так и в экипажах он таков же, как любой офицер-иностранец...»

Но во второй половине войны, когда Петр все же сколотил крепкий конгломерат из европейских и собственных молодых генералов, он стал все реже доверять фельдмаршалу командование даже небольшими корпусами на главных театрах боевых действий. Поэтому все основные события 1712–1714 гг. – борьба за северную Германию и завоевание Финляндии – обошлись без Шереметева. А в 1717 г. он заболел и вынужден был просить долгосрочный отпуск.

В армию Борис Петрович больше не вернулся. Болел он два года и умер, так и не дожив до победы. Уход из жизни полководца наконец-то окончательно примирил с ним царя. Николай Павленко, один из самых тщательных исследователей петровской эпохи, по данному поводу написал следующее: «Новой столице недоставало своего пантеона. Петр решил создать его. Могила фельдмаршала должна была открыть захоронение знатных персон в Александро-Невской лавре. По велению Петра тело Шереметева было доставлено в Петербург и торжественно захоронено. Смерть Бориса Петровича и его похороны столь же символичны, как и вся жизнь фельдмаршала. Умер он в старой столице, а захоронен в новой. В его жизни старое и новое тоже переплетались, создавая портрет деятеля периода перехода от Московской Руси к европеизированной Российской империи».

БЕСПАЛОВ А. В., д. и. н., профессор.

Апраксин Федор Матвеевич

27 ноября 1661 – 10 ноября 1728

Федор Матвеевич Апраксин принадлежал к старинному боярскому роду. Его сестра Марфа Матвеевна вышла замуж за старшего (сводного) брата царя Петра I – Федора Алексеевича (1676–1682). Таким образом, он приходился дядей будущему русскому императору. Службу начал стольником при дворе Петра I в 1683 г. Был записан в потешный Семеновский полк, участвовал во всех мероприятиях юного царя, в том числе в строительстве потешной флотилии на Переяславском озере. Сопровождал Петра во время первой поездки в Архангельск в 1692 г. Был архангельским воеводой в 1692–1693 гг. Под его руководством был построен первый русский торговый корабль нового образца. С 1695 г. поручик Семеновского

полка. В 1697–1699 гг. надзирал за строительством кораблей в Воронеже и принял участие в Керченском морском походе. С 1700 г. пожалован званием адмиралтейца и назначен главой Адмиралтейского приказа. Возвел Таганрог и Азовскую гавань. С 1706 г. – глава Оружейного, Ямского, Адмиралтейского приказа и Монетного двора, с 1708 г. – генерал-адмирал. Отличался высокой работоспособностью, широким диапазоном знаний, неподкупностью.

Сражения и победы

Один из создателей русского флота, сподвижник Петра I, генерал-адмирал, первый президент Адмиралтействколлегии.

На суше Апраксин защитил от шведской армии Санкт-Петербург, который шведы собирались сровнять с землей, а на море нанес им решающее поражение в шхерах при Гангуте.

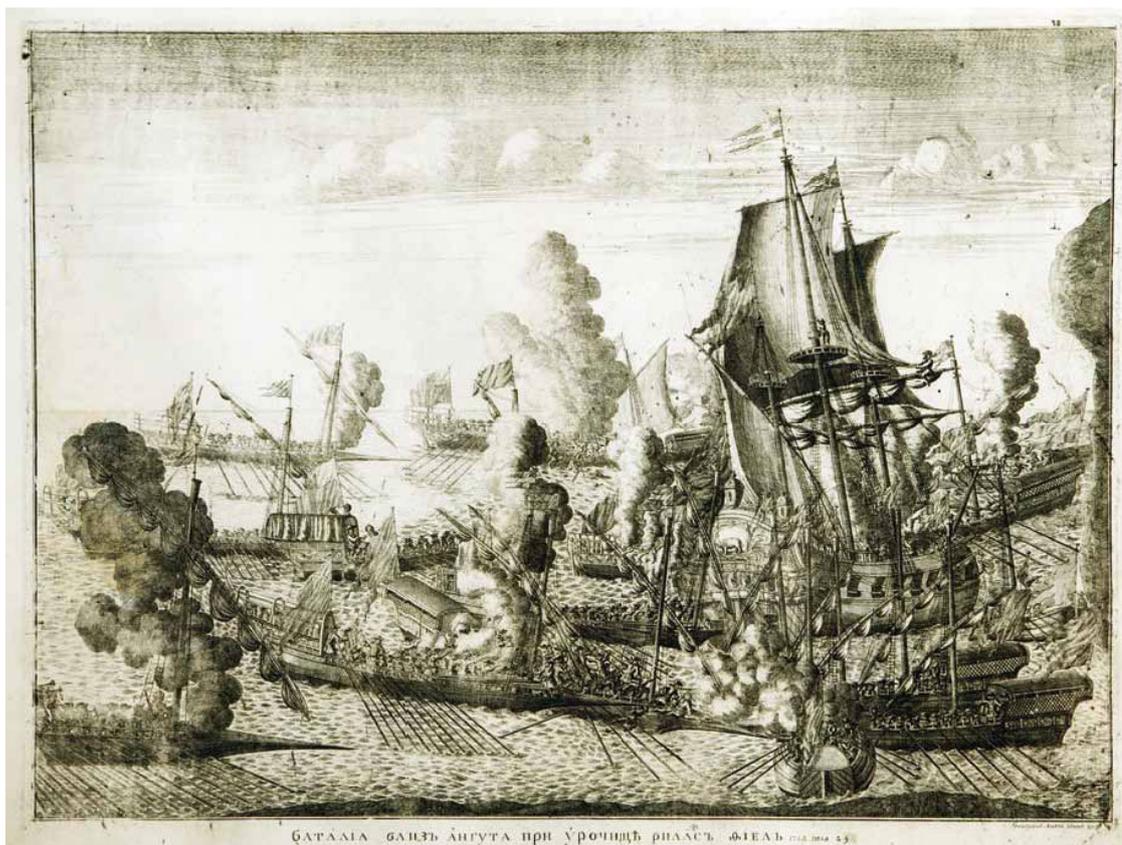
В 1708 г. шведский флот и армия предприняли попытку захвата Петербурга. Она носила серьезный диверсионный характер и была задумана как часть единого стратегического плана короля Карла перед вторжением в Россию. Как это поняли в России, операция должна была преследовать две цели: а) заставить Петра оттянуть как можно больше сил от обороны линии Смоленск – Можайск – Москва и перебросить их на защиту Петербурга и б) уничтожить только что родившийся русский флот в Балтийском море. Исполнителем предначертаний короля Швеции стал генерал Георг Любикер. Он должен был прогнать русских с берегов Нюэнской реки – так шведы в то время звали Неву, сровнять с землей Петербург, в то время как Карл должен был уничтожить Москву.

Операция против Петербурга, казалось, была задумана неплохо. Шведы решили напасть на захваченные русскими невские земли с двух направлений: с юго-западного, из Эстонии, и с северо-запада, из Финляндии. Но в действиях нападающих отсутствовала синхронность. Сначала выступили полки генерала Стремберга из Эстонии, но они потерпели тяжелое поражение от войск Апраксина. И только после этого было решено нанести комбинированный удар – с моря, со стороны Финского залива, и из Финляндии. Это наступление было скоординировано с вторжением основных сил шведской армии на западной границе России.

Шведский корпус генерала Любекера получил приказ короля Карла XII о наступлении на Петербург зимой 1708 г. В распоряжении у Любекера находились солидные силы: около 14 тысяч солдат и 22 военных корабля. Преодолевая распутицу и следуя по абсолютно разоренной местности, шведы лишь 28 августа подошли к реке Тосне.

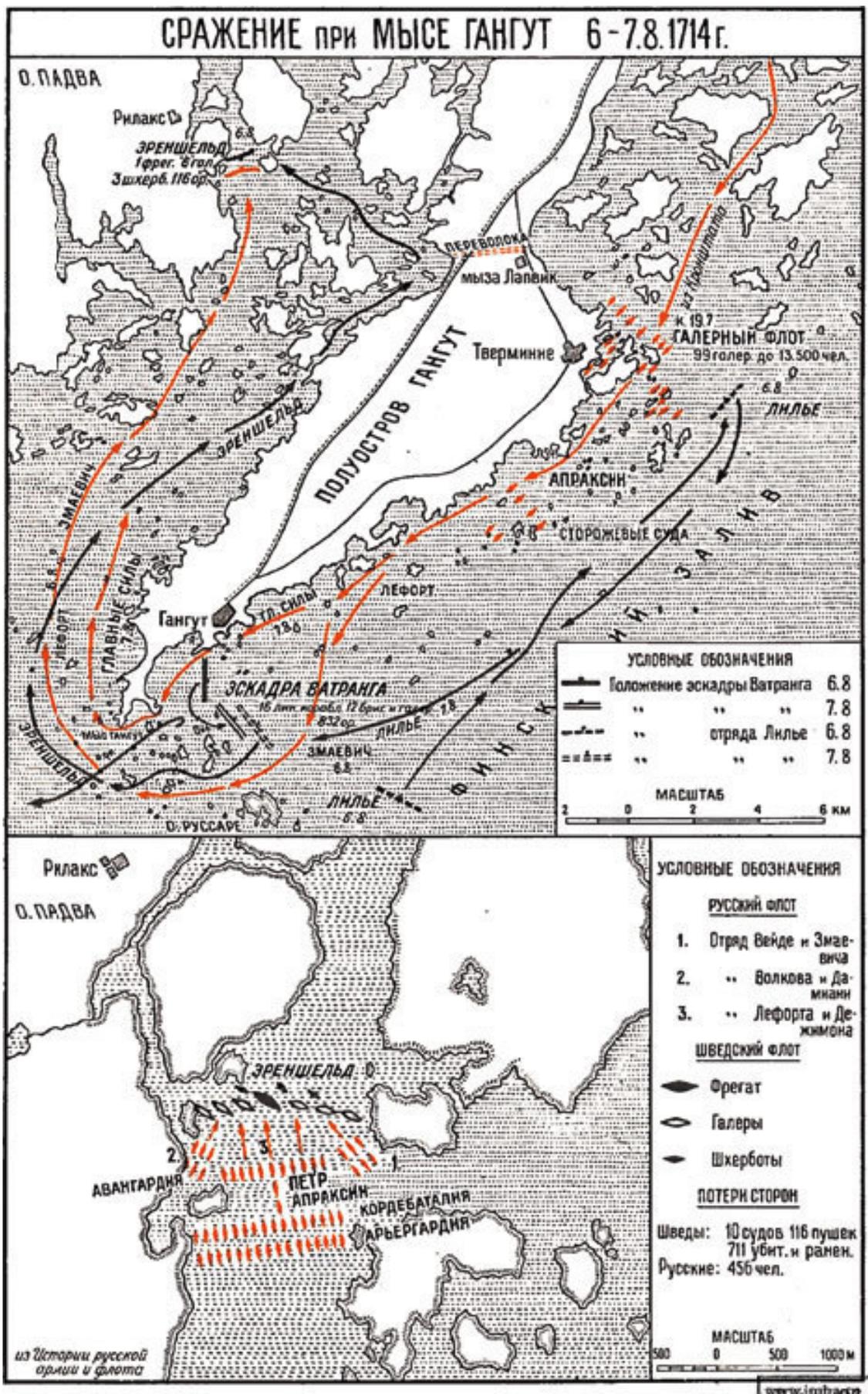
Действия шведов не застали русских врасплох – их давно ждали. Для противодействия неприятелю на линии реки Невы генерал-адмирал Федор Апраксин приказал выставить заслоны и сильные дозоры. После ряда боев, как пишет Тарле, между противоборствующими армиями возникло равновесие, в котором ни одна из них не отваживалась сделать решающий шаг: у Апраксина не хватало сил и средств, чтобы в полной уверенности напасть на шведов, а у шведского генерала – на разгром русской армии. Шведы заняли весь ораниенбаумский берег, но не знали, что им делать дальше. Русские же успели уничтожить часть провианта, а часть – доставить в Петербург.

Впрочем, край был не освоенный, и провианта не хватало и у русских. В сложившейся оперативной обстановке Апраксин пребывал отнюдь не в самом благодушном настроении. Начальник кавалерии иностранец Фрэйзер стал вызывать его подозрения, и Апраксин написал Петру: «Для того прошу ваше величество прислать в конницу доброго командира, ежели не противно вашему величеству, известного из русских».

Гангутская баталия 27 июля 1714 г. Гравюра М. Бакуа.

Между тем в отряде Любекера начинался голод, и уже 14 сентября Апраксин, ссылаясь на сведения, полученные от пленного шведского квартирмейстера Врико, доносил Петру, что Любекер намерен покинуть Ингерманландию. Шведская эскадра Анкершерны тоже была изрядно потрепана и взять о. Котлин не смогла. Апраксин, со своей стороны, выбрал тактику мелких укусов шведской армии и делал вылазки небольшими отрядами в районе Копорья. И такая тактика оказалась наиболее действенной в развернувшейся войне.

Сражение при мысе Гангут.

В итоге Любекер приказал своим пехотинцам подниматься на борт эскадры Анкершерны и отплыть от невских берегов куда-нибудь подальше. Это решение привело шведов к катастрофе. Для совершения посадки Любекер перевел свой лагерь к самому берегу моря. Погрузке войск сильно мешали штормы и шквалистый ветер. Чем меньше шведских пехотинцев оставалось в лагере, тем смелее становились попытки русских прорваться в лагерь.

Во избежание лишнего кровопролития генерал-адмирал Апраксин послал к неприятелю своего ординарца – вахмистра Ингерманландского драгунского полка Страсбурга с барабанщиком с предложением сдаться. Но предложение было отвергнуто. Тогда Апраксин отдал приказ к атаке. Русская пехота атаковала шведов с фронта, а драгуны с флангов. Оборонявшиеся отчаянно сопротивлялись, но были разгромлены наголову. Последние минуты посадки шведов на корабли имели вид и характер панического бегства. На поле боя пали 828 шведских солдат и офицеров. Многие были взяты в плен. Русские потери составили 58 человек убитыми и 220 ранеными.

Так бесславно закончилась попытка шведов нанести русским ущерб на невских берегах. Победа Апраксина позволила Петру I забрать с берегов Невы дополнительные пехотные и драгунские полки и присоединить их к армии, стоявшей на пути Карла XII, вторгшегося в Россию с запада.

Хорошо информированный английский посол при Петре I Чарльз Уитворт доносил тогда в Лондон: «Шведы с боем форсировали реку Неву и остановились в Ингерманландии, вблизи Ямбурга, откуда они установили ежедневные сообщения со своим флотом и после шестинедельной остановки, не предприняв ничего, решились переправиться обратно на кораблях, но при этом случае их арьергард был разбит адмиралом Апраксиным».

После победы под Полтавой русская армия получила возможность перейти к дальнейшим наступательным действиям на северо-западном театре военных действий. Наступление в 1710 г. развивалось на двух направлениях: на побережье Балтийского моря, где еще осенью 1709 г. была осаждена Рига, а осенью 1710 г. началась осада Ревеля, и на Финляндском театре – в сторону Выборга и Кексхольма.

За успешную охрану Петербурга Петр, сам одержавший победу при Лесной, повелел выбить особую медаль с изображением на одной стороне портрета Федора Матвеевича и надписью: «Царского Величества адмирал Ф. М. Апраксин», а на другой – изображение флота, построившегося в линию, с надписью: «Храня сие не спит; лучше смерть, а не неверность».

Ж.-М. Натье. Битва при Лесной.

Битва при Лесной. Жан Батист Натье.

Основные укрепления Выборга в 1710 г. состояли из пяти бастионных фронтов. Внутри главной крепости все строения были каменные. Апраксин писал Петру 2 апреля 1710 г., что «неприятель выстроил против нас три батареи; стреляет зело жестоко и цельно: одну пушку у нас разбили, а другая раздулась от mnogой стрельбы; осталось у нас на батареях 10 пушек...». Русские стали приближаться к крепости апрошами «которые с великим трудом приводили, ибо в то время еще там были великие морозы, к тому ж и ситуация кругом той крепости камениста».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.